

Исследовательская статья

УДК 316.74

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-4

Пруцкова Е. В.
Забаяев И. В.
Маркин К. В.

Социальный капитал и религиозность в России:
анализ с позиции «донора» и «реципиента»

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Лихов переулок, дом 6, строение 1, комната 417, Москва, 127051, Россия
evprutskova@gmail.com
zabaev-iv@yandex.ru
markink20@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается динамика различных показателей социального капитала в России и связь социального капитала с религиозностью населения и социально-демографическими факторами. Анализ проводится на основании репрезентативных всероссийских опросов «Ортодокс Монитор» (объем выборки – 1500 респондентов, 2011 г.) и «Религия и Церковь» (объем выборки – 1549 респондентов, декабрь 2020 г.). Полевой этап исследований проведен Институтом фонда «Общественное мнение». Мы определяем социальный капитал как включенность в социальные сети поддержки, выделяем несколько типов ресурсов и различаем две ключевые позиции – «донора» и «реципиента» (Забаяев, Орешина, Пруцкова, 2014). Показатели социального капитала с позиции «реципиента» включают размер и состав социальной сети поддержки. В динамике, по сравнению с 2011 г., структура и размер социальной сети поддержки россиян оказались довольно стабильными. Для выявления типов ресурсов, к которым имеется доступ, использовалась модифицированная методика «Ресурс-генератор» М. Гаага и Т. Снайдерса, включающая 18 различных ресурсов, которые можно объединить в четыре укрупненных типа: личная поддержка, помощь с использованием личных умений и навыков, ресурсы, связанные с престижем и образованием, а также ресурсы, связанные со знаниями в области финансов и возможностями трудоустройства. Показатели социального капитала с позиции «донора» включали затраты сил и времени на оказание услуг в виде помощи по хозяйству, материальную помощь и моральную поддержку. В целом, по сравнению с 2011 г., россияне стали чаще выступать в качестве «доноров» социального капитала по всем трем рассматриваемым направлениям. Во всех вопросах отмечается снижение доли затруднившихся ответить. Пандемия COVID-19 остро поставила вопросы включенности в сети социальной поддержки, как с позиции «донора», так и с позиции «реципиента», и, если даже люди не включались в оказание помощи и не получали помощи от окружающих, по крайней мере, они начали задумываться об этом, и данная тема оказалась в 2020 г. более близка и актуальна для населения страны. Для выявления связи различных показателей социального капитала с религиозностью и социально-демографическими факторами также был построен ряд линейных регрессионных моделей. В исследовании «Религия и Церковь» применялась модифицированная «Шкала центральности религиозности» Ш. Хубера, включающая пять измерений индивидуальной

составляющей и два измерения социальной составляющей религиозности. Результаты регрессионных моделей свидетельствуют о существенной связи различных показателей социального капитала с интеллектуальным измерением религиозности (частотой размышлений на религиозные темы) и наличием социальных связей с членами религиозных общин. Среди социально-демографических показателей ключевую роль в формировании социального капитала играют возраст, материальное положение и наличие работы.

Ключевые слова: социальный капитал; «Ресурс-генератор»; социальные сети поддержки; религиозность; Шкала центральности религиозности

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта «Социальная работа Русской Православной Церкви: факторы развития и проблема институционализации» при поддержке гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, проект № 20-1-037307.

Информация для цитирования: Пруцкова Е. В., Забаев И. В., Маркин К. В. Социальный капитал и религиозность в России: анализ с позиции «донора» и «реципиента» // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 2. С. 39-59. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-4.

Research article

Elena V. Prutskova
Ivan V. Zabaev
Kirill V. Markin

**Social capital and religiosity in Russia:
Analysis from the “donor” and “recipient” perspective**

“Sociology of Religion” research laboratory, St. Tikhon’s Orthodox University
bld. 6/1, Likhov alleyway, room 417, Moscow, 127051, Russia
evprutskova@gmail.com
zabaev-iv@yandex.ru
markink20@gmail.com

Abstract. The article discusses the dynamics of various indicators of social capital in Russia and the relationship of social capital with religiosity and socio-demographic factors. The analysis is based on national representative surveys “Orthodox Monitor” (1500 respondents, 2011) and “Religion and Church” (1549 respondents, December 2020). We define social capital as involvement in social support networks. We differentiate between several types of resources, and distinguish the position of “the donor” and “the recipient” (Zabaev, Oreshina, Prutskova, 2014). Indicators of social capital from the “recipient” perspective include the size and composition of the social support network. Compared to 2011, the structure and size of the social support networks in 2020 turned out to be quite stable. The types of resources are evaluated via a modified “Resource Generator” method, which includes 18 different resources that can be combined into four broad categories: personal support, personal skills, prestige and education related resources, and financial skills / employment opportunities. Indicators of social capital from the “donor” perspective include the provision of household assistance, material assistance, and moral support. Compared to 2011, Russians have become more likely to act as “donors” of social capital in all three domains. There is also a significant decrease in the proportion of “hard to answer” option in all items. The

COVID-19 pandemic has sharply raised the issue of inclusion in social support networks, both from the “donor” and the “recipient” perspective. Even if people were not included in the provision of care and did not receive help from others, at least they began to think about it, and this topic turned out to be more relevant for people in 2020. In the “Religion and Church” survey, religiosity was measured via a modified “Centrality of Religiosity Scale” proposed by S. Huber. Linear regression models show a significant relationship of various indicators of social capital with the intellectual dimension and the social component of religiosity. Among socio-demographic indicators, age, financial situation and having a paid work play a significant role in the formation of social capital.

Keywords: social capital; Resource Generator; social support networks; religiosity; Centrality of Religiosity Scale

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the project “Social work of the Russian Orthodox Church: Development factors and the problem of institutionalization” supported by a grant from the President of the Russian Federation for the development of civil society (project № 20-1-037307).

Information for citation: Prutskova, E. V., Zabaev, I. V., Markin, K. V. (2022), “Social capital and religiosity in Russia: Analysis from the “donor” and “recipient” perspective”, *Research Result. Sociology and management*, 8 (2), 39-59. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-4.

Введение (Introduction). Русская православная церковь часто анализируется через призму ее отношений с государством (Малахов, Летняков, 2019; Карпич, 2021), в связи с производством той или иной идеологии (Zasanska, 2019), в связи с наличием в ней тех или иных протестных настроений, фундаментализма и/или антимодернизма (Кнорре, Мурашова, 2021); часто анализируется динамика и количество верующих, – как в целом (Лебедев, Благодеев, 2014; Кублицкая, Назаров, 2019; Лебедев, 2020), так и тех или иных конкретных групп или поколений (Павлюткин, 2020). Иными словами, преимущественно религиозность в России анализируется или на макроуровне – всей церкви, как политического агента; или на микроуровне – на уровне индивидуальной религиозности. Подобный взгляд имеет свои следствия, – религия предстает или частным делом человека, чем-то вроде его стиля жизни или вкусовых предпочтений; или же политической силой (или слабостью – зависит от позиции аналитика), которая (в лучшем случае) оказывает незначительное влияние на повседневную жизнь.

В связи с этим, хотелось бы обратить внимание на третью возможную перспективу, а именно на существование религии (Русской Православной Церкви в частности) на мезоуровне – на уровне социальных связей, построения общин и коллективов, на уровне развития или противостояния тем или иным видам социальной солидарности. Безусловно, исследования современного русского православия в этой связи проводятся (Врублевская, 2016; Орешина и др., 2018; Schulte, Cook, 2020), однако, нельзя не признать, что данный подход не является доминирующим в современной повестке. Так, остается проблематичным описание церковной институции как связанных между собой, самоорганизующихся и самовоспроизводящихся общин. С одной стороны, церковь предполагает существование и производство религиозных сообществ, которые могут обладать уникальным социальным капиталом. С другой – структура внутриобщинных взаимодействий, в которых воспроизводится идея церкви как места общения с Богом, а не с людьми, может предполагать крайнюю степень «сакраль-

ного индивидуализма» (Забаев, 2011) и блокировать доступ индивида к социальному капиталу общины.

Исследование религии на мезоуровне позволяет оценивать степень и характер того, как она включается в формирование ткани общественной жизни на низовом уровне, является ли та или иная конфессия ресурсом для построения сетей поддержки и социальной солидарности или наоборот, – скорее оставляет человека в одиночестве, предлагая в рамках интеллектуального измерения религиозности мыслить проблемы повседневной жизни недостойными внимания верующего человека.

В статье рассматривается динамика различных показателей социального капитала в России и связь социального капитала с религиозностью населения и социально-демографическими факторами.

Методология исследования и методы (Methodology and methods). *Понятие социального капитала.* Категория социального капитала осмысливалась рядом социальных теоретиков. Например, П. Бурдьё пишет, что это понятие появилось «в результате необходимости выявить принцип социальных воздействий, которые несводимы к набору свойств, принадлежащих данному агенту на индивидуальном уровне... Эти воздействия... особенно заметны в тех случаях, когда различные индивиды получают слишком неравные прибыли при практически равном капитале (экономическом или культурном), – в зависимости от степени, в какой они способны мобилизовать капитал через свою близость к группе...» (Бурдьё, 2002: 66). Дж. Коулмен определяет социальный капитал как свойство социальной структуры: «социальная организация составляет социальный капитал, способствующий достижению целей, которые не могли бы быть достигнуты в ее отсутствие, или могли бы быть достигнуты только с более высокими затратами» (Coleman, 1990). Р. Патнэм вводит различие «открытого» (*bridging*) и «закрытого» (*bonding*) социального капитала (Putnam, 2001).

В различных научных работах продемонстрировано, как религия может становиться фактором, усиливающим способность группы продуцировать социальный капитал (Schneider, 2006; Wuthnow, 2006). Например, Патнэм считает религию важным фактором, способствующим сохранению и возникновению различных социальных благ. Религиозные организации, с его точки зрения, полезны для общества как непосредственно, то есть оказывая социальную поддержку своим членам, так и опосредованно – формируя среди них навыки гражданственности, распространяя определённые моральные ценности, проповедуя альтруизм и социальную ответственность (Putnam, 2001). Х. Унру и Р. Сайдер полагают, что конгрегации преобразуют социальный капитал в благополучие конкретных индивидов, поддерживая вовлечённость своих участников в «неравнодушное сообщество» (Unruh, Sider, 2005: 236). И. В. Забаев, Д. А. Орешина и Е. В. Пруцкова также отмечали, что религия является значимым фактором повышения социального капитала, формирования и укрепления социальных сетей поддержки в России (Забаев, Орешина, Пруцкова, 2014).

Операционализация социального капитала. Операционализируя понятие социального капитала, исследователи предлагают различать сами ресурсы и возможности доступа к этим ресурсам, вводя при этом развернутые системы ключевых типов ресурсов (Забаев, Орешина, Пруцкова, 2014; Sapin *et al.*, 2020). Каждый актор в социальной сети поддержки может выступать и в роли «донора», и в роли «реципиента». Данное различие предлагается А. Портесом который, оппонируя Коулмену (не проводившему данное различие), утверждает, что мотивы «доноров» – «источников» ресурсов в сети поддержки и «реципиентов» – «обладателей» социального капитала, которые через включённость в сеть поддержки имеют доступ к ресурсам «доноров», могут существенно различаться (Portes, 2000).

Оппозиция «донор»-«реципиент» применялась и в российских эмпирических

исследованиях. Например, С. Ю. Барсукова выделяет 4 типа участников в сети обмена продуктами, деньгами и трудом в зависимости от интенсивности участия: радикальный / умеренный донор, радикальный / умеренный реципиент (Барсукова, 2005). Г. В. Градосельская разработала типологию акторов в сети обмена ресурсами (деньги, связи, продукты, труд): доноры и потребители, соответственно, отправляют и получают трансферы, акторы «обмена» могут и отправлять, и получать трансферы, «независимые» акторы не участвуют в операциях обмена (Градосельская, 1999).

В данной работе мы понимаем социальный капитал как участие в сетях поддержки. Также мы принимаем оппозицию «донор»-«реципиент», выделенную по определенному набору ресурсов.

Социальный капитал «реципиента» подразумевает оценку: (1) состава социальной сети поддержки, (2) ее размерности (3) и набора доступных для использования ресурсов. Для оценки последней составляющей мы применяем модифицированную методику «Ресурс-генератор», предложенную М. Гаагом и Т. Снайдерсом (Gaag, Snijders, 2005) и модифицированную нами для применения в массовых опросах в России. В свою очередь, социальный капитал «донора» предполагает оценку частоты участия в поддержке окружающих: оказания помощи по хозяйству, материальной помощи и моральной поддержки (Забавин, Орешина, Пруцкова, 2014).

Социальный капитал и религиозность. Связь религии и социального капитала активно исследуется в эмпирической социологии (Alexseev, Zhemukhov, 2015; Kaasa, 2015; Swart, 2017).

Чаще всего для оценки воздействия религии на ценности и нормы, а также различные показатели поведения, как индикатор религиозности используется частота посещения церковных служб. В книге «Священное и светское» Р. Инглхарт и П. Норрис используют именно этот показатель наряду с важностью религии в жизни человека, поскольку данные индикаторы

максимально универсальны для разных религиозных традиций (Inglehart, Norris, 2004: 219-225). Однако, наряду с данным подходом, не менее значимой является традиция многомерной оценки религиозности, которую развивали Ч. Глок и Р. Старк (Glock, 1962; Stark, Glock, 1968), Дж. Фолкнер и Г. де Йонг (Faulkner, de Jong, 1966), М. Кинг и Р. Хант (King, 1967; King, Hunt, 1975) и др. Модернизированным вариантом данного подхода стал инструментарий оценки «центральности религиозности» (Centrality of Religiosity Scale или CRS) в жизни человека (Huber, 2009; Huber, Huber, 2012). Анализируя Г. Олпорта (Allport, Ross, 1967), автор данного подхода Ш. Хубер предлагает три градации религиозности согласно месту, которое занимает личная религиозная система (personal religious system) человека в его внутреннем психическом мире (Huber, 2009: 36–37): центральное (central) место соответствует высокой религиозности, подчинённое (subordinate) место – умеренной религиозности и маргинальное (marginal) – слабой религиозности. Различные версии шкалы предполагают как индивидуальную, так и социальную составляющую. Версия Шкалы центральности религиозности, предложенная Хубером, включала пять измерений: интеллектуальное измерение, личные и публичные религиозные практики, религиозный опыт, идеологическое измерение (Huber, Huber, 2012). Модернизированная шкала CRS-SOC (Prutskova, 2021) предполагает, помимо пяти измерений индивидуальной религиозности, оценку социальной составляющей – социальных связей со священнослужителями и религиозными мирянами (приходской общиной).

Источники данных. Анализ проводится на основании репрезентативных всероссийских опросов «Ортодокс Монитор» и «Религия и Церковь», проведенных при участии авторов.

Всероссийский опрос «Ортодокс Монитор» – это инициативный проект Исследовательского семинара «Социология религии» Православного Свято-Тихоновского

гуманитарного университета. Всероссийский опрос «Религия и Церковь» проходил в рамках проекта «Социальная работа Русской Православной Церкви: факторы развития и проблема институционализации», организация выполнения проекта – Свято-Тихоновский Богословский Институт. В обоих случаях генеральной совокупностью является городское и сельское население Российской Федерации в возрасте от 18 лет и старше. Опрос «Ортодокс Монитор» (2011 г., 1500 респондентов) проходил на территории 44 субъектов РФ, более чем 100 населенных пунктов, опрос «Религия и Церковь» (декабрь 2020 г., 1549 респондентов) – на территории 53 субъектов РФ, также более чем 100 населенных пунктов. Полевой этап исследований проведен Институтом фонда «Общественное мнение».

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Социальный капитал с позиции «реципиента».* Со-

став социальной сети поддержки. Для выявления размера и структуры социальной сети поддержки россиян, использовался вопрос: «Если Вы попадете в кризисную ситуацию (например, потеря работы, проблемы в семье или болезнь), к кому Вы можете обратиться за помощью?». У большинства россиян есть к кому обратиться за помощью в трудной жизненной ситуации – всего 6% в 2011 г. и 7% в 2020 г. ответили, что таких людей нет. Большинство опрошенных могли бы обратиться за помощью к семье и родственникам: 84% в 2011 г. и 82% в 2020 г. и к близким друзьям – 47% в 2011 г. и 43% в 2020 г. Остальные варианты ответов встречаются намного реже: 10% в 2011 и 12% в 2020 г. могли бы обратиться к знакомым, 7% – к соседям. Чуть чаще, чем 9 лет назад, респонденты выбирали вариант ответа «к коллегам по работе»: 5% в 2011 г. и 9% в 2020 г. Состав социальной сети поддержки россиян в 2020 г., по сравнению с 2011 г., практически не изменился.

Таблица 1

Если Вы попадете в кризисную ситуацию (например, потеря работы, проблемы в семье или болезнь), к кому Вы можете обратиться за помощью?

Table 1

If you were in a crisis (loss of job, family problems, illness, etc.), to whom would you turn for help?

Варианты ответа / answer options	2011	2020
к семье, родственникам / family, relatives	84	82
к близким друзьям / close friends	47	43
к знакомым / acquaintances	10	12
к соседям / neighbors	7	7
к руководителю на работе / supervisor at work / employer	3	4
к коллегам по работе / colleagues	5	9
к прихожанам моего храма / people from my parish	2	2
к священнику (мулле, раввину, лидеру религиозной общины) / a priest (mullah, rabbi, leader of a religious community)	5	5
к представителям государственных структур / government officials	3	4
к представителям благотворительных организаций / social welfare groups	1	2
к незнакомым людям / strangers	1	1
к другим людям / other	1	0
ни к кому / no one	6	7
затрудняюсь ответить / hard to answer	1	1
другое – к Богу / other - God	<1	<1
N (респ.) / N (resp.)	1500	1549

Размер социальной сети поддержки.

Для оценки размера сети поддержки, в которую включены респонденты, задавался вопрос «Как Вам кажется, сколько всего таких людей, к которым Вы могли бы обратиться за помощью в кризисной ситуации?»¹.

Социальные сети поддержки большинства россиян включают нескольких человек. Всего 6% в 2011 г. и 7% в 2020 г. ответили, что есть всего один такой человек, 27% и 30% соответственно могут обратиться за помощью к 2-3 людям, 22% в 2011 г. и 25% в 2020 г. считают, что таких людей в их окружении четверо или пятеро, 23% и 26% соответственно – 6 или более.

За прошедшие 9 лет этот показатель также оказался довольно стабильным. Если сравнить данные за 2011 и 2020 гг., то единственное произошедшее существенное изменение за этот период – это значительное уменьшение доли затруднившихся ответить на вопрос о том, сколько в ближайшем окружении людей, к которым можно обратиться за помощью. Мы предполагаем, что это снижение было связано с ситуацией пандемии, которая заставила людей задуматься о том, сколько в их окружении таких людей, которые могли бы в случае необходимости оказать ту или иную поддержку.

Таблица 2

Как Вам кажется, сколько всего таких людей, к которым Вы могли бы обратиться за помощью в кризисной ситуации?

Table 2

How do you think, how many people could you turn to for help in a crisis?

Варианты ответа / answer options	2011	2020
таких людей нет / there are no such people	6	7
один человек / one	6	7
2 – 3 человека / 2-3 people	27	30
4 – 5 человек / 4-5 people	22	25
6 – 9 человек / 6-9 people	8	13
10 и более человек / 10 or more people	15	13
затрудняюсь ответить / hard to answer	17	5
<i>N (resp.) / N (resp.)</i>	1500	1549

Ресурс-генератор. Для нашего исследования на основании методики «Ресурс-генератор» М. Гаага и Т. Снайдерса (Gaag, Snijders, 2005) был разработан инструментарий, включающий 18 различных ресурсов. Респондентам предъявлялись описания гипотетического человека, обладающего определенным ресурсом, и предлагалось выбрать из предложенного списка, есть ли среди родственников, друзей или знакомых такие люди. Всего 5% опрошенных указали, что в их социальном окружении таких людей нет.

Более чем у половины опрошенных есть кто-то, кто мог бы оказать личную поддержку: человек, к которому можно пойти в

гости (58%), обсудить личные вопросы (52%), или человек, которого можно попросить сходиться за покупками в случае болезни – собственной или членов семьи (46%). Также у большинства есть в окружении человек, который мог бы оказать какую-то помощь с использованием личных умений и навыков: отвезти куда-то на машине (69%), отремонтировать автомобиль, велосипед и т.д. (57%), помочь с мелким ремонтом – починить кран, поклеить обои и т.п. (52%). Заметное более редки ресурсы, связанные с престижем и образованием, а также знаниями в области финансов и возможностями трудоустройства.

¹ Вопрос о размере сети поддержки в 2011 г. задавался без подсказок, респондентов просили записать

ответ числом, в 2020 варианты ответа предлагались респондентам на карточке.

Таблица 3

На карточке перечислены различные люди. Скажите, есть ли среди Ваших родственников, друзей или знакомых такие люди?

Table 3

There are different people on the card. Are there any such people among your relatives, friends or acquaintances?

Варианты ответа / answer options	%
человек, который может отремонтировать автомобиль, велосипед и т.д. / can repair a car, bike	57
человек, который может отвезти куда-то на машине Вас или членов Вашей семьи / owns a car and can take you or a member of your family somewhere, if necessary	69
человек, который имеет научную степень, окончил аспирантуру или имеет несколько высших образований / has an academic degree, post-graduate degree, or several higher education degrees	27
человек, который может помочь с получением малодоступных медицинских услуг (устройство в хорошую больницу, на консультацию и лечение к известному специалисту и т. д.) / can help to get access to rare/high-quality medical services (treatment in a good hospital, well-known specialist consultation)	27
человек, который разбирается в финансовых вопросах (налоги, пособия, субсидии) / has knowledge about financial matters (taxes, subsidies)	35
человек, который может помочь с трудоустройством, дать рекомендацию или помочь найти дополнительный заработок / can help with employment, provide recommendations, or help find extra earnings	24
человек, который может дать полезный совет в случае конфликта на работе / can give useful advice concerning a conflict at work	35
человек, который может помочь с мелким ремонтом (починить кран, поклеить обои и т.п.) / can do small jobs around the house (repair a faucet, put up wall-paper, etc.)	52
человек, который может сходить за покупками, если Вы или члены Вашей семьи больны / can do your shopping when you or members of your household are ill	46
человек, который может дать медицинский совет / can give medical advice	41
человек, который может одолжить Вам большую сумму денег (например, 100 тысяч рублей) / can lend a large sum of money (100,000 rubles or more)	22
человек, у которого Вы можете при необходимости пожить неделю или больше / can provide you with a place to stay for a week or longer if needed	40
человек, который может помочь устроить ребёнка в дошкольное учреждение, хорошую школу, колледж, вуз и т. д. / can help a child enter a kindergarten, good school, college, university, etc.	11
человек, который мог бы помочь решить проблемы с представителями власти (полицией, армией, судом, прокуратурой) / can help you deal with authorities (police, army, court), if there are any problems	16
человек, который может дать совет по правовым, юридическим вопросам / can give advice on laws, judicial proceedings, governmental regulations	25
человек, который может посидеть с Вашими детьми / can babysit your children	28
человек, к которому Вы можете пойти в гости / can receive you on social visits	58
человек, с которым Вы можете обсудить личные вопросы / with whom you can discuss intimate matters	52
нет таких людей / no such people	5
затрудняюсь ответить / hard to answer	2
N (resp.) / N (resp.)	1549

Количество выбранных в вопросе позиций отражает разнообразие ресурсов, составляющих социальный капитал человека. В среднем опрошенные выбирали 6,7 позиций из списка. 8% имеют доступ только к

одному из перечисленных видов ресурсов (Рисунок), 32% – от двух до пяти видов ресурсов, 30% опрошенных выбрали от шести до десяти позиций, 22% – 11 или более позиций из списка.

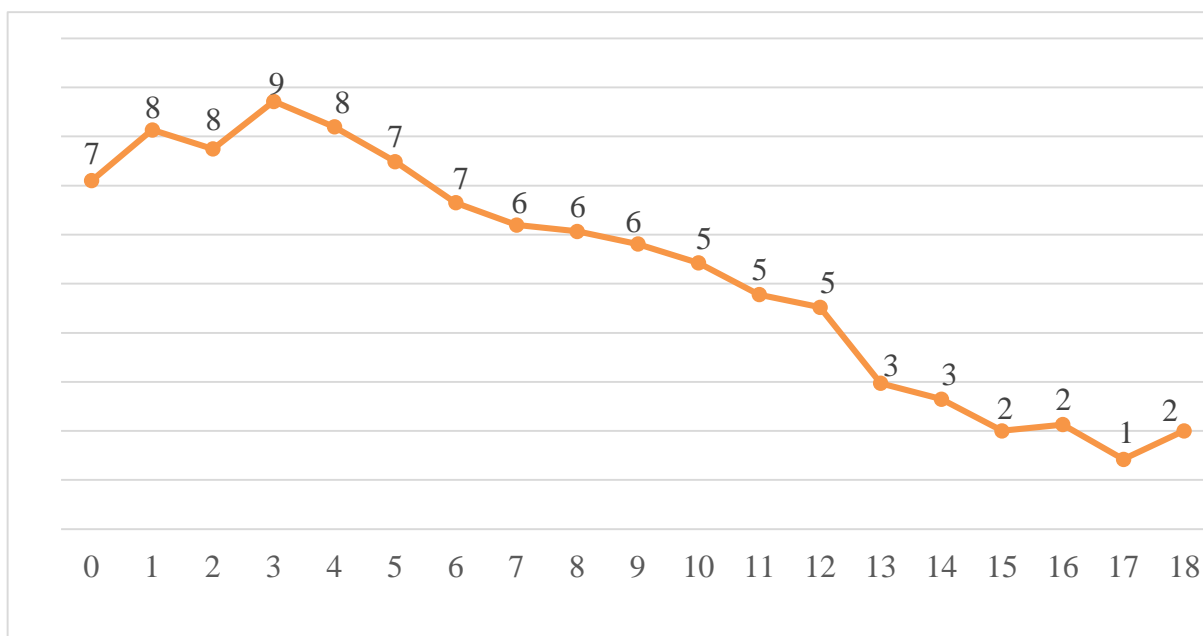

Рисунок. Разнообразие социального капитала (количество выбранных позиций «Ресурс-генератора»), % от опрошенных

Figure. Diversity of social capital (number of “Resource Generator” items chosen by respondents), % of respondents

Социальный капитал с позиции «донора». Социальный капитал с позиции «донора» – это (1) затраты сил и времени на оказание помощи по хозяйству, (2) материальная помощь, (3) моральная поддержка (Забаев, Орешина, Пруцкова, 2014). В динамике в 2020 г., по сравнению с 2011 г., россияне, в целом, более часто включались во взаимодействие с окружающими в качестве «доноров» социального капитала. Так, если рассмотреть динамику варианта ответа «раз в неделю или чаще», доля помогавших кому-либо вне своего дома по хозяйству или с покупками увеличилась с 23% в 2011 г. до 35% в 2020 г., доля тех, кто еженедельно уделяли время, чтобы поговорить с расстроенным, подавленным человеком, увеличилась с 25% в 2011 г. до 34% во

время второй волны пандемии COVID-19 в декабре 2020 г. Однако в то же время увеличилась и доля тех, кто ни разу за последний год не оказывали моральной поддержки окружающим (с 12% до 18%) и никому не давали денег в займы (с 22% до 32%).

В этом вопросе также можно отметить снижение доли затруднившихся ответить респондентов. Можно предположить, что пандемия остро поставила вопросы включенности в сети социальной поддержки, как с позиции «донора», так и с позиции «реципиента», и, если даже люди сами не включались в оказание помощи и не получали помощи от окружающих, по крайней мере, они начали чаще задумываться об этом.

Таблица 4

Я перечислю Вам различные виды помощи, а Вы посмотрите на карточку и скажите, как часто за последний год Вы делали что-либо из этого для своих родственников, друзей, соседей или знакомых? Итак, как часто за последний год Вы...

Table 4

I will list the various types of help. Look at the card and tell me how often over the past year have you done any of these for your relatives, friends, neighbors or acquaintances?
So how often in the past year have you...

Варианты ответа / answer options	...помогали кому-либо вне вашего дома по хозяйству или с покупками? / ...helped someone outside of your household with housework or shopping?		...давали денег в займы? / ...lent money to another person?		...уделяли время, чтобы поговорить с расстроенным, подавленным человеком? / ...spent time talking with someone who was a bit down or depressed?	
	2011	2020	2011	2020	2011	2020
раз в неделю или чаще / once a week or more often	23	35	7	11	25	34
два-три раза в месяц / two-three times a month	15	16	13	12	17	13
примерно один раз в месяц / once a month	14	12	18	16	16	14
не менее 2-3 раз за год / 2-3 times a year	15	10	24	16	15	10
один раз за год / once a year	6	4	8	9	6	6
ни разу за последний год / never in the last year	20	20	22	32	12	18
затрудняюсь ответить / hard to answer	8	3	9	5	10	5
<i>N (resp.) / N (resp.)</i>	<i>1500</i>	<i>1549</i>	<i>1500</i>	<i>1549</i>	<i>1500</i>	<i>1549</i>

Социальный капитал и социально-демографические факторы. Для выявления связи различных показателей социального капитала с социально-демографическими факторами на основании данных опроса «Религия и Церковь» 2020 г. был построен

ряд линейных регрессионных моделей (см. таблицу 5 и таблицу 6). Для каждого из показателей приводятся три модели – с полным набором показателей религиозности и социально-демографических признаков (Модели 1, 4, 7, 10, 13), включавшихся в

анализ, с частотой посещения религиозных служб в качестве единственного показателя религиозности и полным набором социально-демографических признаков (Модели 2, 5, 8, 11, 14), а также финальная модель, где присутствуют только значимые факторы (Модели 3, 6, 9, 12, 15)².

Среди показателей религиозности ключевым с точки зрения связи с социальным капиталом во всех его измерениях оказался социальный аспект, а именно – количество воцерковленных православных в социальном окружении респондента. Чем больше в эго-сети человека православных верующих, регулярно посещающих богослужения, тем выше социальный капитал с позиции реципиента – шире круг людей, к которым респондент может обратиться за помощью в трудной ситуации и набор ресурсов, к которым человек может получить доступ посредством активизации социальных связей. Это, конечно, может объясняться не только спецификой православия, но и просто наличием социальных связей – не важно, каких именно. Однако помимо этого значимый положительный эффект мы наблюдаем и в случае с социальным капиталом с позиции донора: чем больше в социальном окружении воцерковленных православных, тем чаще такие люди и сами помогают кому-либо вне своего дома по хозяйству или с покупками, оказывают материальную или моральную поддержку.

Наличие социальных связей со священнослужителями значимо положительно связано в построенных моделях (при контроле других аспектов религиозности и различных социально-демографических характеристик) с одним из показателей социального капитала с позиции «донора», а именно – с оказанием финансовой поддержки, а также с одним из показателей социального капитала с позиции «реципиента» – размером социальной сети поддержки. Респонденты, чаще обращающиеся

к священнику за советом по повседневным вопросам, чаще давали деньги взаймы и сами имеют более обширную сеть социальной поддержки.

Люди, получившие религиозное воспитание, также чаще оказывались в позиции «донора», помогая кому-либо вне своего дома по хозяйству или с покупками, а также оказывая материальную поддержку.

Среди всех показателей социального капитала наилучшее качество построенной модели характеризует моральную поддержку. Здесь, помимо социального аспекта религиозности, важную роль играет наличие религиозного опыта и интеллектуальное измерение религиозности. Люди, которые ощущают вмешательство Бога или неких божественных сил в свою жизнь, а также часто размышляют на религиозные темы, склонны чаще уделять время, чтобы поговорить с расстроенным, подавленным человеком.

Среди социально-демографических факторов ключевую роль играют возраст и материальное положение. С возрастом социальный капитал как с позиции «донора», так и с позиции «реципиента» снижается, в то время как материальная обеспеченность положительно связана с социальным капиталом (во всех моделях, за исключением оказания помощи по хозяйству). Женщины, люди, не состоящие в зарегистрированном браке, а также жители более крупных населенных пунктов, при прочих равных, чаще уделяли время для оказания моральной поддержки окружающим.

Разнообразие ресурсов, к которым люди имеют доступ посредством социальных связей, заметно больше у тех, кто и сам оказывает помощь окружающим людям. К такому выводу мы приходили в наших предыдущих исследованиях (Забаев, Орешина, Пруцкова, 2014), теперь он подтвержден и на основании других массивов данных. При этом существенное влияние на

² При включении в регрессионную модель меньшего числа независимых переменных заметно увеличивается база для анализа, поскольку сокращается количество переменных с пропущенными данными.

В частности, это может приводить к тому, что ряд переменных, которые были статистически значимы в полной модели, могут быть исключены из финальной модели как незначимые.

формирование социального капитала с позиции «реципиента» оказывает только личное участие человека в поддержке окружающих – помощь по хозяйству или с покупками либо оказание моральной поддержки, в то время как одалживание денег такого эффекта не имеет.

Заключение (Conclusions). В настоящем тексте мы хотели обсудить функционирование русского православия на мезоуровне, и оценить какой вклад Русская Православная Церковь вносит в формирование социального капитала ее последователей.

В целом, по сравнению с 2011 г., россияне стали чаще выступать в качестве «доноров» социального капитала по различным направлениям – оказывать моральную и материальную поддержку окружающим, помогать друг другу по хозяйству и с покупками. Пандемия COVID-19 остро поставила вопросы включенности в сети социальной поддержки, как с позиции «донора», так и с позиции «реципиента», данная тема оказалась в 2020 г. более близка и актуальна для населения страны. Во всех вопросах о социальном капитале, по которым возможно отследить динамику, по сравнению с 2011 г. отмечается снижение доли затруднившихся ответить.

Применение многомерной Шкалы центральности религиозности (CRS-SOC) позволило включить в регрессионные модели различные измерения религиозности (пять измерений индивидуального аспекта религиозности и два измерения социального аспекта) и выявить некоторые интересные эффекты. В регрессиях при включении в качестве предиктора только одного показателя религиозности – частоты посещения религиозных служб – в большинстве моделей коэффициенты были положительными и статистически значимыми. Чем выше частота посещения служб, тем чаще люди были склонны и сами помогать окружающим, и сами были включены в более обширную сеть поддержки. Единственным показателем, где регрессионный коэффициент оказался статистически незначимым,

была модель для числа позиций «Ресурс-генератора». В то же время, при включении в модель всех показателей Шкалы центральности религиозности, а также вероисповедания и первичной религиозной социализации (религиозного воспитания), регрессионные коэффициенты для частоты посещения служб оказывались статистически незначимы, на первый же план выходило в первую очередь социальное измерение религиозности – общение со священником и принадлежность к общине, а также, в ряде случаев, интеллектуальное измерение религиозности – частота размышления на религиозные темы. С содержательной точки зрения это означает, что для формирования социального капитала недостаточно просто ходить на службы. Результаты нашего анализа показывают, что социальный капитал (особенно – с позиции «донора») увеличивается только в случае, когда участие в религиозных практиках сопровождается не только общением с единоверцами, но также и осмыслением вопросов веры, регулярным размышлением на темы, связанные с религией.

Первое очевидно: посещение церковных служб далеко не всегда влечет за собой общение и возникновение социальных связей. В качестве иллюстрации можно привести пример «сакрального индивидуализма» – специфического комплекса установок, основой которого является разделение мира на две части – сакральную и профанную, и восприятие столкновения с другими людьми в церкви как помехи для доступа к сакральному: «Для ряда людей, церковь является тем местом, куда хочется уйти. ... Церковь при этом не является сообществом, куда хочется прийти. Она воспринимается вне социальной реальности» (Забаяев, 2011: 347).

Второе намного менее очевидно, но также логично, что только для тех, кто начинает задумываться на темы, связанные с религией, вероучение начинает переходить на уровень практического воплощения, в частности – реализуется в помощи и поддержке, оказываемой окружающим людям.

Список литературы

- Барсукова С. Ю. Сетевые обмены российских домохозяйств: опыт эмпирического исследования // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 34-45.
- Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60-74.
- Врублевская П. В. Круговорот детских вещей в приходской церкви: к вопросу о значении дарообмена // Религиоведческие исследования. 2016. Т. 1. № 13. С. 103-127.
- Градосельская Г. В. Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологический журнал. 1999. № 1/2. С. 156-163.
- Забаев И. В. «Сакральный индивидуализм» и община в современном русском православии // Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности / под ред. А. Агаджанян, К. Русселе. М.: Весь Мир, 2011. С. 341-354.
- Забаев И. В., Орешина Д. А., Пруцкова Е. В. Социальный капитал русского православия в начале XXI в.: исследование с помощью методов социально-сетевого анализа // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. Т. 32. № 1. С. 40-66.
- Карпич Ю. Политический выбор православных верующих в России: возможности и ограничения качественных и количественных исследований // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 2. С. 48-69.
- Кнорре Б. К., Мурашова А. А. «В начале было Слово...», а в конце будет число? Православие и антицифровой протест в России: с 1990-х до коронавируса // Мир России. 2021. Т. 30. № 2. С. 146-166.
- Кублицкая Е. А., Назаров М. М. Динамика религиозности в современной России (по данным исследований в столичном регионе) // Вестник Российской Академии Наук. 2019. Т. 89. № 11. С. 1120-1127.
- Лебедев С. Д. Виртуализация религиозного сообщества как ключ к пониманию эволюции социологических концепций религиозности // Концепт: Философия, Религия, Культура. 2020. Т. 4. № 3. С. 85-104.
- Лебедев С. Д., Благоевич М. Институциональная и личностная идентификация православия в России и Сербии // Человек. 2014. № 3. С. 107-111.
- Малахов В. С., Летняков Д. Э. Российское государство в конфессиональной сфере, или национальные особенности секуляризма // Мир России. Социология. Этнология. 2019. Т. 28. № 4. С. 49-67.
- «Партнерский приход»: Сотрудничество священников и мирян в развитии социальной деятельности в приходах РПЦ в начале XXI века / Орешина Д. А., Врублевская П. В., Забаев И. В., Павлюткина Е. Л. М.: Издательство ПСТГУ, 2018. 320 с.
- Павлюткин И. В. Динамика религиозности молодежи в России // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. № 3. С. 153-183.
- Alexseev M. A., Zhemukhov S. N. From Mecca with Tolerance: Religion, Social Recategorisation and Social Capital // Religion, State and Society. 2015. Vol. 43. No. 4. P. 371-391.
- Allport G. W., Ross M. J. Personal Religious Orientation and Prejudice // Journal of Personality and Social Psychology. 1967. Vol. 5. No. 4. P. 432-443.
- Coleman J. Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990. 993 p.
- Faulkner J. E., de Jong G. F. Religiosity in 5-D: An Empirical Analysis // Social Forces. 1966. Vol. 45. No. 2. P. 246-254.
- Gaag M. V-D., Snijders T. A. B. The Resource Generator: Social Capital Quantification with Concrete Items // Social Networks. 2005. Vol. 27. No. 1. P. 1-29.
- Glock Ch. Y. On the Study of Religious Commitment // Religious Education. 1962. Vol. 57. Sup. 4. P. 98-110.
- Huber S. Religion Monitor 2008: Structuring Principles, Operational Constructs, Interpretive Strategies // What the World Believes: Analyses and Commentary on the Religion Monitor 2008 / ed. by M. Rieger. Gütersloh: Verlag Bertelsmann Stiftung, 2009. P. 17-51.
- Huber S., Huber O. W. The Centrality of Religiosity Scale (CRS) // Religions. 2012. Vol. 3. № 3. P. 710-724.
- Inglehart R., Norris P. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2004. 329 p.
- Kaasa A. Culture, Religion and Social Capital: Evidence from European Regions // International Journal of Sociology and Social Policy. 2015. Vol. 35. № 11/12. P. 772-794.
- King M. B. Measuring the Religious Variable: Nine Proposed Dimensions // Journal for the Scientific Study of Religion. 1967. Vol. 6. № 2. P. 173-190.

King M. B., Hunt R. A. Measuring the Religious Variable: National Replication // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1975. Vol. 14. № 1. P. 13-22.

Portes A. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // *Knowledge and Social Capital: Foundations and Applications* / ed. by E. L. Lesser. Boston: Butterworth-Heinemann, 2000. P. 43-67.

Prutskova E. V. Social vs. Individual Centrality of Religiosity: Research in Religious and Non-Religious Settings in Russia // *Religions*. 2021. Vo. 12. № 15. P. 1-18.

Putnam R. D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster, 2001. 541 p.

Sapin M., Joye D., Wolf C. The ISSP 2017 Social Networks and Social Resources Module // *International Journal of Sociology*. 2020. Vol. 50. № 1. P. 1-25.

Schneider J. A. *Social Capital and Welfare Reform: Organizations, Congregations, and Communities*. New York: Columbia University Press, 2006. 445 p.

Schulte D., Cook L. Faith-Based Welfare Provision in Russia // *Faith-Based Organizations and Social Welfare: Associational Life and Religion in Contemporary Eastern Europe* / ed. by G. Miguel, P. Ch. Manuel. Cham: Springer International Publishing, 2020. P. 37-57.

Stark R., Glock Ch. Y. *American Piety: The Nature of Religious Commitment*. Berkeley: University of California Press, 1968. 250 p.

Swart I. Social Capital, Religious Social Capital and the Missing Element of Religious Ritual // *Religion & Theology*. 2017. Vol. 24. № 3-4. P. 221-249.

Unruh H. R., Sider R. J. *Saving Souls, Serving Society: Understanding the Faith Factor in Church-Based Social Ministry*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2005. 323 p.

Wuthnow R. *Saving America: Faith-Based Services and the Future of Civil Society*, Princeton: Princeton University Press, 2006. 376 p.

Zasanska N. New Producers of Patriarchal Ideology: Matushki in Digital Media of Russian Orthodox Church // *ESSACHESS - Journal for Communication Studies*. 2019. № 12. P. 99-128.

References

Barsukova, S. Yu. (2005), "Network Exchanges of Russian Households: Experience of

Empirical Research", *Sociological Studies*, 8, 34-45. (In Russian).

Bourdieu, P. (2002), "Forms of Capital", *Journal of Economic Sociology*, 3 (5), 60-74. (In Russian).

Vrublevskaya, P. V. (2016), "Circulation of children's items in Christian Orthodox Parish: Observations to the gift exchange theory", *Researches in Religious Studies*, 1 (13), 103-27. (In Russian).

Gradoselskaya, G. V. (1999), "Social Networks: Private Transfers Exchange", *Sociological Journal*, (1-2), 156-163. (In Russian).

Zabaev, I. V. (2011), "Sacred Individualism and the Community in Contemporary Russian Orthodoxy", in Agadjanian, A. and Rousselet, C. (eds.), *Prihod i obshchina v sovremennom pravoslavii: kornevaya sistema rossijskoj religioznosti* [Parish and Community in Contemporary Orthodoxy: The Root System of Russian Religiosity], Moscow, Ves' Mir, 341-354. (In Russian).

Zabaev, I. V., Oreshina, D. A and Prutskova, E. V. (2014), "Social Capital of the Russian Orthodox Christianity in the Early 21st Century: Applying Social Network Analysis", *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 32 (1), 40-66. (In Russian).

Karpich, Y. (2021), "The Political Choice of Orthodox Believers in Russia: Strengths and Limitations of Qualitative and Quantitative Approaches to Research" *Russian Sociological Review*, 20 (2), 48-69. (In Russian).

Knorre, B. K. and Murashova, A. A. (2021), "In the Beginning Was the Word; Will a Number Be in the End? Orthodoxy and Anti-digital Protest in Russia: From the 1990s to the Coronavirus", *Mir Rossii*, 30 (2), 146-166. (In Russian).

Kublitskaya, E. A. and Nazarov, M. M. (2019), "Dynamics of religiosity in contemporary Russia according to research in the capital region", *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, 11 (89), 1120-1127. (In Russian).

Lebedev, S. D. (2020), "Virtualization of Religious Communities as a Key Tool to Understanding the Evolution of Sociological Concepts of Religiosity", *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 4 (3), 85-104. (In Russian).

Lebedev, S. D. and Blagoevich, M. (2014), "Institutional and Personal Identification of Orthodoxy in Russia and Serbia", *Chelovek*, (3), 107-111. (In Russian).

Malakhov, V. S. and Letnyakov, D. E. (2019), "The Russian State in the Religious Sphere

(or National Secularism)”, *Mir Rossii*, 28 (4), 49-67. (In Russian).

Oreshina, D. A., Vrublevskaya, P. V., Zabaev, I. V. and Pavlyutkina, E. L. (2018), «Partnerskij prihod»: *Sotrudnichestvo svjashhennikov i mirjan v razvitii social'noj dejatel'nosti v prihodah RPC v nachale XXI veka* [“Partner Parish”: Cooperation of Priests and Laity in the Development of Social Activities in the Parishes of the Russian Orthodox Church at the Beginning of the 21st Century], Moscow, Izd-vo PSTGU. (In Russian).

Pavlyutkin, I. V. (2020), “Dynamics of religious commitments of young people in Russia”, *Research Result. Sociology and Management*, 6 (3), 153-183. (In Russian).

Alexseev, M. A. and Zhemukhov, S. N. (2015), “From Mecca with Tolerance: Religion, Social Recategorisation and Social Capital”, *Religion, State and Society*, 43 (4), 371-391.

Allport, G. W. and Ross, M. J. (1967), “Personal Religious Orientation and Prejudice”, *Journal of Personality and Social Psychology*, 5 (4), 432-443.

Coleman, J. (1990), *Foundations of Social Theory*, Cambridge, MA.

Faulkner, J. E. and de Jong, G. F. (1966), “Religiosity in 5-D: An Empirical Analysis”, *Social Forces*, 45 (2), 246-254.

Gaag, M.V-D. and Snijders, T. A. B. (2005), “The Resource Generator: Social Capital Quantification with Concrete Items”, *Social Networks*, 27 (1), 1-29.

Glock, Ch. Y. (1962), “On the Study of Religious Commitment”, *Religious Education*, 57 (4), 98-110.

Huber, S. (2009), “Religion Monitor 2008: Structuring Principles, Operational Constructs, Interpretive Strategies”, in Rieger, M. (ed.), *What the World Believes: Analyses and Commentary on the Religion Monitor 2008*, Gütersloh, Verlag Bertelsmann Stiftung, 17-51.

Huber, S. and Huber, O. W. (2012), “The Centrality of Religiosity Scale (CRS)”, *Religions*, 3 (3), 710-724.

Inglehart, R. and Norris, P. (2004), *Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide*, Cambridge, UK; New York, Cambridge University Press.

Kaasa, A. (2015), “Culture, Religion and Social Capital: Evidence from European Regions”, *International Journal of Sociology and Social Policy*, 35 (11/12), 772-794.

King, M. B. (1967), “Measuring the Religious Variable: Nine Proposed Dimensions”, *Journal for the Scientific Study of Religion*, 6 (2), 173-190.

King, M. B. and Hunt, R. A. (1975), “Measuring the Religious Variable: National Replication”, *Journal for the Scientific Study of Religion*, 14 (1), 13-22.

Portes, A. (2000), “Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology”, in Lesser, E. L. (ed.), *Knowledge and Social Capital: Foundations and Applications*, Boston, Butterworth-Heinemann, 43-67.

Prutskova, E. V. (2021), “Social vs. Individual Centrality of Religiosity: Research in Religious and Non-Religious Settings in Russia”, *Religions*, 12 (15), 1-18.

Putnam, R. D. (2001), *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*, New York, Simon & Schuster.

Sapin, M., Joye, D. and Wolf, C. (2020), “The ISSP 2017 Social Networks and Social Resources Module”, *International Journal of Sociology*, 50 (1), 1-25.

Schneider, J. A. (2006), *Social Capital and Welfare Reform: Organizations, Congregations, and Communities*, New York, Columbia University Press.

Schulte, D. and Cook, L. (2020), “Faith-Based Welfare Provision in Russia.” In Miguel, G. and Manuel, P. Ch. (ed.), *Faith-Based Organizations and Social Welfare: Associational Life and Religion in Contemporary Eastern Europe*, Cham, Springer International Publishing, 37-57.

Stark, R. and Glock, Ch. Y. (1968), *American Piety: The Nature of Religious Commitment*, Berkeley, University of California Press.

Swart, I. (2017), “Social Capital, Religious Social Capital and the Missing Element of Religious Ritual”, *Religion & Theology*, 24 (3-4), 221-249.

Unruh, H. R. and Sider, R. J. (2005), *Saving Souls, Serving Society: Understanding the Faith Factor in Church-Based Social Ministry*, Oxford; New York: Oxford University Press.

Wuthnow, R. (2006), *Saving America: Faith-Based Services and the Future of Civil Society*, Princeton, Princeton University Press.

Zasanska, N. (2019), “New Producers of Patriarchal Ideology: Matushki in Digital Media of Russian Orthodox Church”, *ESSACHESS – Journal for Communication Studies*, (12), 99-128.

Социальный капитал с позиции «донора»: Линейные регрессионные модели (стандартизованные коэффициенты)

Attachment 1 Social capital from the “donor” perspective: Linear regression models (standardized coefficients)

Независимые переменные / Independent variables	...помогали кому-либо вне вашего дома по хозяйству или с покупками? / ...helped someone outside of your house-hold with housework or shopping?			...давали денег в займы? / ...lent money to another person?			...уделяли время, чтобы поговорить с расстроенным, подавленным человеком? / ...spent time talking with someone who was a bit down or depressed?		
	Модель 1 / Model 1	Модель 2 / Model 2	Модель 3 / Model 3	Модель 4 / Model 4	Модель 5 / Model 5	Модель 6 / Model 6	Модель 7 / Model 7	Модель 8 / Model 8	Модель 9 / Model 9
православие / Orthodox Christian	0,02			0,01			-0,06*		
другое вероисповедание / another denomination	-0,05			0,07			-0,02		
частота причастия / frequency of Communion	-0,02			0,07**			0,00		
частота посещения религиозных служб / frequency of religious service attendance	0,02	0,08***		-0,04	0,07**		-0,01	0,1***	
частота посещения храма / frequency of Church attendance	0,01			0,02			0,04		
частота молитвы / frequency of prayer	0,02			-0,05			0,01		
вера в Бога / faith in God	-0,02			-0,02			-0,05		
частота размышления на религиозные темы / frequency of thinking about religious issues	0,04			-0,04			0,12***		0,09***
религиозный опыт / religious experience	0,02			0,04			0,14***		0,14***

Независимые переменные / Independent variables	...помогали кому-либо вне вашего дома по хозяйству или с покупками? / ...helped someone outside of your house-hold with housework or shopping?			...давали денег взаймы? / ...lent money to another person?			...уделяли время, чтобы поговорить с расстроенным, подавленным человеком? / ...spent time talking with someone who was a bit down or depressed?		
	Модель 1 / Model 1	Модель 2 / Model 2	Модель 3 / Model 3	Модель 4 / Model 4	Модель 5 / Model 5	Модель 6 / Model 6	Модель 7 / Model 7	Модель 8 / Model 8	Модель 9 / Model 9
религиозная социализация / religious socialization	0,05*		0,04*	0,08***		0,10***	0,01		
частота обращения к священнику за советом / frequency of asking a priest for advice	0,02			0,06*		0,07***	0,00		
количество воцерковленных православных в социальном окружении / number of churched Orthodox Christians among relatives and friends	0,07**		0,11***	0,08***		0,07**	0,10***		0,12***
пол (0-мужской, 1-женский) / gender (0-male, 1-female)	0,02	0,02		0,00	-0,02		0,24***	0,26***	0,22***
возраст / age	-0,17***	-0,19***	-0,20***	-0,16***	-0,2***	-0,17***	-0,12***	-0,13***	-0,17***
образование / education	0,00	0,01		0,00	0,00		0,02	0,05*	
женат, замужем, зарегистрированный брак / married	-0,02	-0,02		-0,04	-0,03		-0,10**	-0,12***	-0,08***
женат, замужем, незарегистрированный брак / unregistered marriage	0,00	0,02		0,00	0,01		-0,01	0,00	
разведён(-а) / divorced	-0,01	-0,01		-0,01	-0,01		0,00	-0,02	
вдова, вдовец / widowed	-0,03	-0,05		0,03	0,01		-0,06	-0,09**	
численность детей / number of children	0,02	0,04		0,01	0,05		-0,01	0,05*	

Независимые переменные / Independent variables	...помогали кому-либо вне вашего дома по хозяйству или с покупками? / ...helped someone outside of your house-hold with housework or shopping?			...давали денег займы? / ...lent money to another person?			...уделяли время, чтобы поговорить с расстроенным, подавленным человеком? / ...spent time talking with someone who was a bit down or depressed?		
	Модель 1 / Model 1	Модель 2 / Model 2	Модель 3 / Model 3	Модель 4 / Model 4	Модель 5 / Model 5	Модель 6 / Model 6	Модель 7 / Model 7	Модель 8 / Model 8	Модель 9 / Model 9
материальное положение / financial wellbeing	0,06*	0,04		0,13***	0,12***	0,13***	0,06**	0,05**	0,06**
наличие оплачиваемой работы / a paid job	0,04	0,05		0,10***	0,08***	0,07***	0,04	0,03	
тип населенного пункта / residence type	0,01	0,00		-0,01	-0,03		0,04	0,05*	0,05**
...помогал кому-то за пределами вашей семьи по дому или покупками? //...helped someone outside of your house-hold with housework or shopping?	-		-	-		-	-		-
...давали денег займы? / ...lent money to another person?	-		-	-		-	-		-
...уделяли время, чтобы поговорить с расстроенным, подавленным человеком? / ...spent time talking with someone who was a bit down or depressed?	-		-	-		-	-		-
<i>R-квадрат / R Square</i>	<i>0,07</i>	<i>0,06</i>	<i>0,06</i>	<i>0,11</i>	<i>0,09</i>	<i>0,10</i>	<i>0,18</i>	<i>0,12</i>	<i>0,17</i>
<i>N (pecn.) / N (resp.)</i>	<i>1228</i>	<i>1417</i>	<i>1407</i>	<i>1229</i>	<i>1411</i>	<i>1341</i>	<i>1214</i>	<i>1396</i>	<i>1304</i>

Социальный капитал с позиции «реципиента»: Линейные регрессионные модели (стандартизованные коэффициенты)

Приложение 2

Attachment 2

Social capital from the “recipient” perspective: Linear regression models (standardized coefficients)

Независимые переменные / Independent variables	Размер социальной сети поддержки / Size of social support network			Число выбранных позиций «Ресурс-генератора» / Number of “Resource Generator” items chosen by respondents		
	Модель 10 / Model 10	Модель 11 / Model 11	Модель 12 / Model 12	Модель 13 / Model 13	Модель 14 / Model 14	Модель 15 / Model 15
православие / Orthodox Christian	-0,05			-0,01		
другое вероисповедание / another denomination	0,06			-0,02		
частота причастия / frequency of Communion	0,04			-0,04		
частота посещения религиозных служб / frequency of religious service attendance	-0,01	0,06**		-0,04	-0,02	
частота посещения храма / frequency of Church attendance	-0,05		-0,08***	-0,02		
частота молитвы / frequency of prayer	0,00			-0,04		
вера в Бога / faith in God	0,00			0,02		
частота размышления на религиозные темы / frequency of thinking about religious issues	0,10**		0,11***	0,10**		0,07***
религиозный опыт / religious experience	-0,03			0,03		
религиозная социализация / religious socialization	-0,06			-0,04		
частота обращения к священнику за советом / frequency of asking a priest for advice	0,03		0,05*	0,02		
количество воцерковленных православных в социальном окружении / number of churched Orthodox Christians among relatives and friends	0,17***		0,13***	0,09***		0,05*
пол (0-мужской, 1-женский) / gender (0-male, 1-female)	-0,01	-0,01		-0,02	-0,01	

Независимые переменные / Independent variables	Размер социальной сети поддержки / Size of social support network			Число выбранных позиций «Ресурс-генератора» / Number of “Resource Generator” items chosen by respondents		
	Модель 10 / Model 10	Модель 11 / Model 11	Модель 12 / Model 12	Модель 13 / Model 13	Модель 14 / Model 14	Модель 15 / Model 15
возраст / age	-0,03	-0,03	-0,06**	-0,17***	-0,16***	-0,16***
образование / education	0,04	0,04		0,07**	0,1***	0,09***
женат, замужем, зарегистрированный брак / married	-0,03	-0,03		0,09*	0,08*	0,09**
женат, замужем, незарегистрированный брак / unregistered marriage	0,00	-0,03		0,07**	0,05	0,07**
разведён(-а) / divorced	-0,02	-0,03		0,07*	0,05	0,07**
вдова, вдовец / widowed	0,00	-0,01		0,10**	0,09**	0,10***
численность детей / number of children	0,07**	0,09**	0,07**	0,05	0,05	
материальное положение / financial wellbeing	0,06*	0,07**	0,10***	0,08***	0,09***	0,09***
наличие оплачиваемой работы / a paid job	0,01	0,00		0,11***	0,1***	0,11***
тип населенного пункта / residence type	-0,02	0,00		0,03	0,03	
...помогал кому-то за пределами вашей семьи по дому или покупками? //...helped someone outside of your household with housework or shopping?	0,02	0,03		0,05	0,07**	0,06**
...давали денег в займы? / ...lent money to another person?	0,02	0,04		0,01	0,00	
...уделяли время, чтобы поговорить с расстроенным, подавленным человеком? / ...spent time talking with someone who was a bit down or depressed?	-0,01	0,02		0,11***	0,13***	0,11***
R-квадрат / R Square	0,07	0,03	0,06	0,13	0,12	0,12
N (pecн.) / N (resp.)	1146	1293	1332	1176	1332	1304

*Статья поступила в редакцию 30 апреля 2022 г.
Поступила после доработки 30 мая 2022 г.
Принята к печати 25 июня 2022 г.
Received 30 April 2021. Revised 30 May 2022. Ac-
cepted 23 June 2022.*

***Конфликты интересов: у авторов нет кон-
фликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: The authors have no conflict
of interest to declare.***

Пруцкова Елена Викторовна, научный со-
трудник, старший преподаватель Научной ла-
боратории «Социология религии», Православ-
ного Свято-Тихоновского гуманитарного уни-
верситета, Москва, Россия.

Elena V. Prutskova, research fellow, “Sociology
of Religion” research laboratory, St. Tikhon’s Or-
thodox University, Moscow, Russia.

Забаяев Иван Владимирович, кандидат социоло-
гических наук, профессор, руководитель
научной лаборатории «Социология религии»,
Православного Свято-Тихоновского гумани-
тарного университета, Москва, Россия.

Ivan V. Zabaev, PhD in Sociology, Head of the
“Sociology of Religion” research laboratory,
St. Tikhon’s Orthodox University, Moscow,
Russia.

Маркин Кирилл Васильевич, научный со-
трудник Научной лаборатории «Социология
религии», Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета, Москва, Россия.

Kirill V. Markin, research fellow “Sociology of
Religion” research laboratory, St. Tikhon’s Or-
thodox University, Moscow, Russia.